

Дягилева Ирина Борисовна

Институт лингвистических исследований РАН
diaghileva@mail.ru

Окказионализмы с компонентом *–бесие* в русском языке XIX века¹

Формирование словарного состава русского языка XIX века является одним из важнейших направлений научно-исследовательской работы в рамках проекта исторического дифференциального «Словаря русского языка XIX века». В одну из задач Словаря входит рассмотрение фактов смешения языковой и речевой семантики, а также интерпретация фактов речи, фиксируемых в текстах этого периода [Проект 2002: 36]. Сложные слова с компонентом *–бесие* следует рассматривать именно в таком аспекте.

Первые слова на *–бесие* появились в русском языке очень давно, еще в XI веке. Их появление В.В. Виноградов связывает с переводом греческого *μανία* (ср. французское *manie*) и отмечает наличие трех вариантов перевода: *бѣсие*, *бѣсование*, *бѣсовьствие* [Виноградов 1999: 322]. Слово *гортанобѣшение*, зафиксированное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», позволяет добавить *бѣшение* в указанный ряд вариантов.

В конце XVIII в. в русском языке отмечаются первые случаи употребления окказионализмов² с компонентом *–бесие*: *законобесие* (Екатерина II), *святобесие* (Тредиаковский), *галлобесие*,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

² Нельзя согласиться с утверждением В.В. Виноградова о том, что «в течение XVIII века новых сложных слов со второй частью *–бесие* не возникало», а «сознание этимологического состава и смыслового взаимоотношения частей в таких словах, как *гортанобесие* и *чревобесие*, было уже наполовину утрачено к тому времени даже в среде книжно образованных людей» [Виноградов 1999: 323].

галлобес (С.С. Бобров в статье «Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» 1805 г.), *французобесие* (Новиков): К слову: "Инки" есть название царского поколения в Перуанском царстве. Сочинение Мармонтелево имеет предметом своим разорение сего царства индейцами под предводительством Пизарра. Главные черты почерпнуты в истории, подробности Мармонтелевы. Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собою ведет святобесие, так переводит *fanatisme* г. Тредьяковский. Оно имеет нечто от эпического и исторического (М.Н. Муравьев. Письмо сестре Федосье Никитишне. 18 янв. 1778 г.). К 1775 г. Екатерина покончила три тяжелые войны: с Польшей, Турцией и со своим воскресшим супругом, маркизом Пугачевым, как она его называла. Вместе с досугом к ней воротилась и ее болезнь, "законобесие", по ее выражению. Мысль о новом уложении не была совсем покинута; частные комиссии продолжали свои работы; но о созыве полного собрания Екатерина не думала. Другое законодательное предприятие увлекло ее (В.О. Ключевский. Курс русской истории).

В XIX в. продолжается процесс образования новых слов с компонентом *-бесие*, как узуальных (*женобесие*, *мракобесие*, *чинобесие*, *чужебесие*), так и многочисленных окказиональных, употреблявшихся в основном на страницах газет, в дневниках и письмах. Эти лексические окказионализмы можно разделить на три группы. Первая – слова, характеризующие явления политической жизни России XIX века, большая их часть образована с этнонимом в качестве первой части: *англобесие* (Герцен), *болгаробесие* (Леонтьев), *москвобесие* (Герцен), *патриотобесие* (Герцен), *славянобесие* (Герцен), *франкобесие* (Стасюлевич). Вторая группа слов характеризует те или иные пристрастия, характерные для всего общества, особенности культурной жизни эпохи: *итальянобесие* (Глинка), *картобесие* (Некрасов), *концертобесие* (Санкт-Петербургские ведомости, № 69, 1856 г.), *цветобесие*

(Соллогуб), *червонцебесие* (Макаров). В третью группу следует объединить те слова, которые описывают увлечения, пристрастия, присущие тому или иному человеку: *гневобесие* (Герцен), *книгобесие* (Бестужев-Марлинский), *ленобесие* (Бартенев), *мозгобесие* (Катков), *музыкобесие* (Герцен), *пляскобесие* (Лейкин), *плясобесие* (Санкт-Петербургские ведомости), *рифмобесие* (Некрасов), *стихобесие* (Корсаков), *чтеньобесие* (Пушкин). Есть несколько сложных слов, характеризующих явления заграничной жизни: *банкобесие* (Бабст), *церквобесие* (Герцен).

Перечисленные окказионализмы, образованные по продуктивной словообразовательной модели книжной речи, обладают разной степенью окказиональности. Некоторые из них приближаются к потенциальным словам и понятны в нулевом контексте: *англобесие*, *франкобесие*, *гневобесие*, *ленобесие* и др.: *Работа у меня, благодаря Бога, идет успешно, по крайней мере не мучусь бездействием и ленобесием* (П.И. Бартенев Письмо П.А. Бессонову. 26 июня 1850 г.).

Значения некоторых других слов (*болгаробесие*, *москвобесие*, *итальянобесие*, *цветобесие*, *червонцебесие* и др.) не могут быть определены без того историко-культурного контекста, в связи с которым они были употреблены. Так, появление слова *червонцебесие* в «Записках» Михаила Николаевича Макарова, писателя и лексикографа, связано с существовавшим в конце XVIII – начале XIX в. обычаем бросать кошельки с деньгами на сцену любимым артистам прямо в середине спектакля¹: *Не знаю ... к какому классу людей принадлежал Ожогин до своего актерства; но, знаю и видел, что в первых годах государственного*

¹ Вот как описывает это С.Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях»: «Я видел, как сумасшедшая Нина (в известной опере «Нина, или сумасшествие от любви») приходила в себя, поднимала кошелек, клала его в карман, раскланивалась с зрителями и - делалась опять сумасшедшею Ниною. Такие знаки одобрения состояли не менее как из ста рублей, а в экстренных случаях доходили и до двухсот рублей, разумеется, ассигнациями».

Александрова, он еще твердою ногою стоял на Московской Петровской сцене и был он, безо изменений, все еще утешитель детский: наша уморушка смеховая, и мы не раз его осыпали не цветами, а червонцами. Тогда еще было червонцебесие! (Макаров М.Н. Старинный московский комик Ожогин. 1846 г.).

Скорее всего, это явление было названо автором червонцебесием по аналогии с цветобесием – модой осыпать дорогими цветами любимых артистов, введенной под влиянием итальянцев в 1840-х годах. Слово цветобесие было создано графом В.А. Соллогубом: свой популярный водевиль он назвал «Букеты, или Петербургское цветобесие»¹: *Куплеты Тряпки: Весь Петербург старается, Хлопочет о цветах, И столько их бросается, Что зелено в глазах. Сперва певцов Италии Все стали осыпать, А там пошло и далее, Во всех пошли швырять, Оценки всем назначили, И даже а priori Бросать букеты начали Всем статуям Раппо. Таланты все подвинули, Я видел сам, ей-ей, Букет в Ризлея кинули, Чтоб не бросал детей. Один, - пылая рвением, Ценящий красоту, — Воткнул букет с почтением В нос мертвому киту. Во всем видна прогрессия, И нынче на Руси Такое цветобесие, Что боже упаси! (В.А. Соллогуб. Букеты, или Петербургское цветобесие).*

В ряде случаев окказиональное слово с компонентом –бесие в сжатом виде обозначает определенную ситуацию, событие и требует расшифровки. Так, появление окказионализма *чтеньбесие*, употребленного А.С. Пушкиным в письме к Л.С. Пушкину, восходит к истории отношений Пушкина с братом, которому он поручил издание своих стихов. Лев Сергеевич, однако, мало занимался его делами, но, обладая прекрасной памятью, повсюду читал новые стихи поэта, «вписывал их в альбомы дам и упивался славой, отраженно падавшей на него» [Вересаев 1970: 25]

¹ «Записки» Макарова относятся к более раннему периоду истории русского театра, но опубликованы были в журнале «Репертуар и Пантеон» в 1846 году, т.е. на год позже пьесы Соллогуба.

Именно такое поведение брата Пушкин назвал *чтеньебесием*, ведь оно, при его стесненных обстоятельствах, приносило ему «существенный материальный ущерб» [там же]: *Об Вяз.<емском> получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебесия* (А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину. 27 марта 1825 г.).

Слова с компонентом *–бесие* обычно передают отрицательную оценку обозначаемого явления в соответствии со значением греческого слова *μανία* и французского *manie* – «безумие, страсть, влечение» [Дягилева 2010: 44]. Журналист газеты «Санкт-Петербургские ведомости» переосмысливает это значение в положительном аспекте: балерина, «проникаясь плясобесием», «приходит в восторг, в исступление», а потом и самого «хладнокровного человека» «сводит с ума»: *Повинуясь волшебной ветке розмарина, она <Эльслер> выступает сначала робко и неохотно, но потом, одушевляясь мало-помалу, вся проникается плясобесием, приходит в восторг, в исступление, ее крылышки радостно трепещут... мудрено ли тут свести с ума не только какого-то влюбчивого простака, но и самого хладнокровного человека* (Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 224).

В XIX в. не только появляются новые окказиональные слова с формантом *–бесие*, но и происходит переосмысление слов церковно-славянского происхождения. Например, слово *гортанобесие*, традиционно обозначавшее грех обжорства, услаждения вкуса, употребляется в публицистике XIX в. в двух значениях: ‘пристрастие к чужим языкам’ (у Надеждина), ‘пустословие, болтовня’ (у Лескова). У Н.С. Лескова слово встречается в трех обличительных статьях 1860–1861 гг., одна из которых не была пропущена цензурой: *Взятка, как всякое зло, боящееся света, скрывается во тьме и творится вдали от всего того, что может быть юридическим доказательством, и потому всякое дальнейшее словопрение с г. Ф.Б. становится несносным и бесплодным гор-*

танобесием. Такие вещи, как систематические взятки, вошедшие в обычай и тщательно скрываемые от власти, не доказываются и не опровергаются юридически, они доказываются общественным мнением и разумным вникновением в дело; иначе вся обличительная литература обратилась бы в прокурорское бюро ассизного суда. (Н.С. Лесков. Полицейские врачи в России. 1860 г.) Богатые сокровища нашего языка, теряющегося своими корнями в неистощимом руднике языка славянского — благодаря гортанобесию, слывущему у нас вкусом гостиных — предаются спокойно в добычу рже и тлению (Н.И. Надеждин. Цит. по Виноградову: 325).

Особняком среди сложных слов на *-бесие* стоят лексемы, употребленные в художественном тексте: для их понимания требуется расширенный контекст, они служат одним из средств создания образности текста: *плескобесие* (Лейкин), *требесие* (Загоскин), *чертобесие* (Чехов). Первые два слова отличаются от других и по своей словообразовательной модели, т.к. первая их часть относится к глагольной основе – ср. *плескаться, трястись*: *Дворянское отделение воронинских бань. .. Входит пожилой купец, снимает с себя шубу и медленно начинает раздеваться. — Мирону Вавилычу почтение! — раздается из алькова. — Что, брат, и ты после праздничного плескобесия обмыться пришел? Маску на Святках надевал, что ли? — Нет, до маски-то наше грехопадение не доходило, а только ведь и мы люди, — со вздохом отвечал купец. Ты возьми то: чревообъедение, виноблудие, так нужно же сбросить с себя ветхого человека (Н.А. Лейкин. Из эпохи последней турецкой войны); "Еще ж скажу тебе, друг сердечный, что у нас завелись в Москве бесовские сходбища, они прозываются ассамблеями. Чаще всего бывают эти ассамблеи в Немецкой слободе у голландского купца Гутфеля. Вот съедутся к нему и наша братья, дворяне с женами и дочерьми, и всякая немецкая сволочь. И тут уж, любезный, не жди себе никакого почета: что знатная барыня, что немецкая купчиха — все еди-*

но: сядут они все рядышком; а этот чертов сын, Гутфель, как боярин какой, учнет похаживать да подчевать сластями наших барышень и своих немок; а там, как сберется их побольше, затрубят в трубы, заиграют на фиолях, молодые ребята-офицерики и немцы всякие подлетят к барышням, разберут их по рукам и пойдут пляски! Начнется всякое тресесие, шум, гам, веселье, ну, ни дать ни взять, Содом и Гоморра в лицах (М.Н. Загоскин. Русские в начале осьмнадцатого столетия).

Анализ сложных слов с формантом –*бесие* показал, что эта словообразовательная модель остается активной на протяжении всего XIX века. Основной состав слов – это окказиональные образования: как лексические, так и семантические, формирующие свое значение в широком контексте, в том числе и историко-культурном. Рассмотренные окказионализмы характеризуются яркой экспрессивностью, являются чертой идиостиля ряда писателей: *гортанобесие*, *мракобесие* (Лесков), *адресобесие*, *англобесие*, *гневобесие*, *москвобесие*, *музыкобесие*, *патриотобесие*, *славянобесие*, *столобесие*, *церквобесие* (Герцен), *мракобесие* (Белинский), *цветобесие* (Соллогуб). Некоторые из перечисленных окказионализмов можно соотнести с интернационализмами с компонентом –*мания* (*manie*), широко употреблявшимися в XIX веке: *англomania*, *славяномания*, *франкомания*, *итальяномания*, *стихомания* и некоторыми другими.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Мракобесие, мракобес // В.В. Виноградов. История слов. М., 1999.
2. *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. Т. 1. М., 1970.
3. *Дягилева И.Б.* Сколько шагов от любви до ненависти? (К истории образования сложных слов в русском языке XIX века) // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 41–49.
4. Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.